

В.М. Розин

ОСОБЕННОСТИ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Аннотация: В статье на материале рассуждений Юлии Латыниной анализируются особенности одного из типов общественно-политического дискурса. Критикуется введенное Латыниной понятие «госзависимости»: оно создает у читателей патологическую оптику, склоняя считать каждого человека социальным наркоманом, т.е. больным, неправильно живущим. Рассматриваются условия мыслимости общественно-политического дискурса: логика рассуждения, её основания, способы обоснования. В том числе две логики, которые реализует Латынина. Одна, почти марксистская: есть общие социальные и культурные закономерности, которым люди подчиняются, понимают они это или нет. Другая, субъективистская, определяемая представлениями и ценностями отдельных социальных акторов. Анализируется на исторических примерах (действия мексиканского принца Тлакаэля, нашего царя Ивана Грозного и средневековой борьбы за власть в Европе между папами и светской властью), каким образом эти логики могут быть связаны. Оказывается, что здесь важную роль играют, с одной стороны, взаимоотношения личности, общества и социума, с другой – особенности ведущего типа социальности и общих социальных условий жизни.

Ключевые слова: Философия, дискурс, социальность, anomia, справедливость, госзависимость, кризис, личность, общество, социум

Слушал вчера (08.12.2012) Юлию Латынину, выступавшую на «Эхо Москвы». Отношение у меня к ней амбивалентное. С одной стороны, предельное уважение: редкой смелости человек, прекрасный журналист и аналитик, переживает и бьется за Россию. С другой стороны, в её страстных рассуждениях много фантазии, домыслов, гипотез не подкрепленных фактами, тревожных, алармических прогнозов; в результате, часто она выдает желаемое за действительное и так нагнетает ситуацию, что иногда хочется повеситься. Но, когда я говорю: «с другой стороны» – это не значит, что «запретить», ведь задуматься заставляет и не совсем правильная гипотеза или прогноз. Однако последнее выступление Латыниной было очень симптоматичным. Оно позволяет выявить особенности одного из распространенных в нашей журналистике вида общественно-политического дискурса. Но сначала приведу сокращенный текст выступления Латыниной.

В прошлом веке эффективность модернизации была связана с тем, что страна, которая не модернизировалась, просто не выживала, ее завоевывали. Поскольку сейчас военное давление ослабло, у авторитарных правителей нет стремления модернизироваться, чтобы выжить, им скорее нужно другое – сохранить население в состоянии госзависимости, что означает подавление третьего сословия, которое зависит от себя, а не от государства. То есть, патовая ситуация. С одной стороны, свободные выборы в нищей бизнесом, но богатой нефтью стране, оборачиваются новым авторитарным режимом. С другой – авторитарный режим в такой стране редко приводит к модернизации, диктатор боится третьего сословия, его требований свободы и частной собственности.

Один из слушателей спрашивает: «Как дать жителям понять, что так больше нельзя? Как заставить их выйти на Майдан и удерживать там, не прибегая к левым

лозунгам?» Это, собственно, одна из самых главных проблем. Давайте, не пряча глаза, посмотрим на то, как структурировано современное население России. Есть замечательное словечко «люмпен-пролетариат», по Марксу люмпен-пролетариат – это люди, которые не желают и не умеют работать, которые не имеют ни собственности, ни этических норм, не умеют планировать даже свою судьбу, являются крайне безответственными избирателями, голосуют за столь же безответственных политиков. Учитывая, что у нынешнего люмпена есть источник дохода (это его собственное нежелание работать, спонсируемое государством), люмпен преобразуется в некий новый социальный слой, который я бы назвала слоем госзависимых по аналогии с наркозависимыми.

Посмотрим, сколько в России подобных людей. Эксперты, работавшие над программой «Стратегия-2012», заявили, что только среди мужчин их в 2009 году было 6,3 миллиона. С учетом женщин, с учетом тех оценок, которые я слышала в 2010-м, их уже было 8 миллионов. Ну, это где-то 10 миллионов трудоспособного населения, которое просто не хочет работать. Примерно столько же, сколько сейчас трудовых мигрантов.

Есть еще такая вещь как правоохранители. У нас чудовищно выросло количество людей в погонах: в СССР было 300 миллионов населения, и в 1990 году в МВД работало 628 тысяч человек. В России более чем вдвое меньше, 140 миллионов, но только в МВД работает 1,1 миллион человек. Из МВД выделились Федеральная миграционная служба, Федеральная служба исполнения наказаний, По контролю за наркотиками, Служба судебных приставов, еще есть ФСО, Служба внешней разведки. ФСБ, в которой работают около 140 тысяч человек. Кстати, это в 2 с лишним раза больше, чем в Министерстве госбезопасности Берии в 1953 году. То есть, общая численность всех этих людей в погонах где-то около 2 миллионов. Причем, заметьте, что рост численности правоохранителей, никак не связан с улучшением безопасности граждан. Вот, ровно наоборот, уровень убийств и преступлений по сравнению с Советским Союзом резко вырос. Ну и понятно, что каждый такой гослюмпен, конечно, будет всегда голосовать за то, что обеспечить себе паразитическую форму существования.

Но чиновников у нас больше, чем людей в погонах. Каждый из них может быть в отдельности приличным человеком, но как сословие, как инструмент обеспечения функционирования государства – это

тоже паразитический слой. И опять он уменьшает благосостояние общества для увеличения собственного благосостояния. В России 1,6 миллиона чиновников. Конечно, это много меньше, чем, скажем, 10 миллионов людей, которые просто не хотят работать. Но в отличие от люмпенов они не просто инертная масса в экономике. Разные есть оценки рынка коррупционных услуг в России, по одним он составляет до 25% ВВП. Это означает, что каждый человек, который работает, зарабатывает в 5-10 раз меньше, чем он зарабатывал бы при отсутствии люмпенов с корочкой. Чем беднее Россия, тем богаче чиновник.

Есть менее очевидные, но гораздо более неприятные вещи. Например, посмотрим, как устроены российские вузы. Из социальных лифтов они превратились в инструмент люмпенизации населения.

Я повторюсь, я не говорю о конкретных людях, я говорю о сословии. Потому что в России, конечно, есть честные менты, есть прекрасные учителя, есть врачи-подвижники. Но понимаете, есть статистика. И если страна занимает пятое место в мире по количеству врачей на душу населения, как Россия, и 130-е место в мире по эффективности медицинской системы, это значит, как это ни цинично, с точки зрения устройства общества, главная функция врача в России – это не оказание медицинских услуг, а создание атмосферы госзависимости. Врачи и учителя госзависимы. Своим существованием они препятствуют созданию рынка медицинских и образовательных услуг. Они формируют госзависимость населения во всем, что касается медицины и образования. И эта система воспроизводит сама себя. Понятно, что делать с чиновниками. А что делать со школьными учителями, которых 1,36 миллионов человек?

Еще одна категория населения – 40 миллионов пенсионеров, 12 миллионов из них продолжают работать. 40% голосов избирателей. Всю свою жизнь пенсионер работал. Под конец жизни он зависит от государства, которое дает ему гроши и больше ему взять неоткуда. Они могут все понимать про эту власть, но у них Стокгольмский синдром. Пенсионеры понимают, что государство их обокрало, но они госзависимы, и единственно, кто может им дать денег, это государство. Каждый отдельный пенсионер может думать по-разному. Но как слой в силу своих социальных интересов пенсионеры будут голосовать за того, кто обещает дать, раздать и поделить просто потому, что в 70 лет других способов получить деньги у человека нет.

Плюс еще есть еще один механизм люмпенизации страны: для правильного функционирования требуется еще сословие рабов, гастарбайтеров. Это те люди, которые делают работу слишком дешевой, чтобы для человека с пособием в 3-4 тысячи рублей имело смысл переезжать с учетом расходов на жилье и транспорт из поселка в крупный город. Люди, которые позволяют чиновникам присваивать деньги с тех физических работ, которые иначе служили бы очень неплохим подспорьем студентам и пенсионерам.

Посмотрите, что у нас получается? 5-6 миллионов человек с корочками или с погонями. Вместе с членами их семей это уже 10% избирателей, по сути говоря, это российский средний класс. Одновременно опорой власти являются широкие слои людей, лишенные под благовидным предлогом самостоятельных источников дохода, поставленные на государственное довольствие. 40 миллионов пенсионеров, 10 миллионов настоящих люмпенов, 2,5 миллиона врачей и учителей. То есть получается, что самостоятельных работников в России меньше половины избирателей, да и самостоятельные работники сильно зависят от государства. Потому что идеал государства таков: наверху госпаразит с корочкой, внизу госзависимый, и совсем внизу гастарбайтеры-рабы. Ну, и за кого они проголосуют? Другими словами, без радикального сокращения ментов и чиновников, без пересмотра их полномочий, без радикального пересмотра налоговых моделей, без перестройки образования, медицинского и пенсионного обеспечения любой новый глава государства станет вторым Путиным».

Начнем анализировать этот дискурс. Слушатель «Эхо» спрашивает: «Как дать жителям понять, что так больше нельзя? Как заставить их выйти на Майдан и удержать там, не прибегая к левым лозунгам?». Латынина соглашается, говоря, что это, собственно, одна из самых главных проблем. Думаю, эта позиция очень характерна для нашей оппозиции: её идеологи и сторонники считают, что «лодку надо раскачать изо всех сил», что надо заставить россиян выйти на улицу, хотя они того или нет. А почему собственно? Ведь сама Латынина показывает, что больше половины жителей страны крепко держатся за государство, зависят от него. Зачем же они будут раскачивать лодку, того и глядишь, она перевернется и пойдет ко дну?

Теперь второе. У Латыниной получается, что чуть ли не все работающее и не работающее население России госзависимо. Ну и схема. С одной стороны, она создает у нас патологическую оптику, склоняя считать

каждого человека социальным наркоманом, т.е. больным, неправильно живущим. Но может ли все население России жить неправильно? С другой стороны, намек, что госзависимость как болезнь поддается лечению, надо просто захотеть работать, а не жить за счет государства. Здесь правда, возникает вопрос, а кто у нас психиатры, ставящие диагноз, из какой такой медицинской (социальной) практики они исходят? На что они указывают и кивают: историю, западный опыт, социальные идеалы? Но ведь все это можно понять и истолковать различно.

В рассуждениях Латыниной (не только в данном выступлении, а вообще) можно заметить две совершенно разных логики. Одна, почти марксистская, когда она говорит следующее: каждый отдельный человек может думать по-разному, но есть общие социальные и культурные закономерности, которым люди подчиняются, понимают они это или нет. И далее Латынина описывает эти закономерности. Например, что в настоящее время, если в стране низкий уровень культуры, всеобщие выборы с большой вероятностью приводят к фашизму, что в России выгодны насилие и нарушение законов, что современное государство и гуманитарные организации заинтересованы в перераспределении средств (от работающих к неработающим), заинтересованы в наличии большого процента безработных, беженцев и всяких люмпенов, что войны в настоящее время экономически невыгодны, что российская власть работает в направлении создания всеобщей госзависимости и т.д. и т.п.

Вторая логика совершенно другая, так сказать, субъективистская. Латынина предполагает, что люди эгоистичны, гребут под себя, обманывают других, сбиваются в кланы, захватывают власть, эксплуатируют, грабят, убивают. Причем именно эти мотивы (а не встречающиеся иногда благородные намерения и поступки) и определяют общественно-политические процессы. Что собой представляет наша власть, чиновники, феэсбешники, менты? Это разбойники, воры, убийцы, паразиты, имитаторы, в лучшем случае, люди, обманывающие сами себя и не понимающие, что они на самом деле делают.

Каким образом, первая логика связана со второй? Мне кажется, что Латынина сама этого не понимает. То она пишет, что умный правитель типа Саакашвили может кардинально изменить общие тренды социальных процессов, то соглашается, что, увы, это невозможно, что в бедных странах с низкой культурой и мифами в голове у каждого второго реформатор обре-

чен на поражение. С одной стороны, Латинина рисует апокалиптическую картину гибели страны именно в связи с испорченностью, эгоизмом и недомыслием людей, с другой – говорит о госзависимости, выгоде насилия, особенностях реформирования и других социальных закономерностях.

А действительно, как связаны между собой действия и решения отдельного человека с общими социальными и культурными закономерностями? Или никак не связаны? Чтобы хотя бы отчасти понять, в каком направлении нужно думать, для ответа на заданные вопросы, я сравню три исторических примера – действия мексиканского принца Тлакаэзеля, нашего царя Ивана Грозного и средневековую борьбу за власть в Европе между папами и светской властью.

Образованию в XV веке империи ацтеков предшествовала следующая история. В начале XV века мексика жили в небольшом государстве. После избрания королем Итцкоатла, около 1424 года, мексика оказались перед трагическим выбором: или признать власть Максила, тирана соседнего государства, или начать против него войну. Перед угрозой уничтожения король и мексиканские господа решили полностью подчиниться тирану, говоря, что лучше отдаться всем в руки Максила, чтобы он сделал с ними все, что пожелает, а быть может, Максил их простит и сохранит им жизнь. Именно тогда слово взял принц Тлакаэзель и сказал: «Что же это такое, мексиканцы? Что вы делаете? Вы потеряли рассудок! Неужели мы так трусливы, что должны отдаться жителям Ацкапутцалко? Король, обратитесь к народу, найдите способ для нашей защиты и чести, не отдадим себя так позорно нашим врагам». Воодушивив короля и народ, принц Тлакаэзель получил в свою власть управление армией, укрепил и организовал ее, повел на врага и разбил тирана¹.

Здесь король и мексиканские господа представляют собой общество: на собрании вопрос о судьбе страны они решали вне рамок государственных институтов, это было именно общественное собрание, где важно было убедить других (короля, жрецов, господ, народ – это все различные общественные образования, субъекты), склонить их к определенному решению и поступку. Но дальше формируется консолидированный субъект – король и принц Тлакаэзель, возглавившие мексиканских господ и армию и организовавшие поход против тирана. При этом важно, что социальное дей-

ствие осуществляется уже в рамках и с помощью социальных институтов – армии и жрецов. Поясню теперь, что я понимаю под обществом.

Общество состоит из «общественных образований» (например, партий, союзов, групп, отдельных влиятельных личностей и т. д.), которые обладают способностью вести борьбу, формулировать самостоятельные цели, осуществлять движение по их реализации, осознавать свои действия. Общество образует некую целостность, обладает своеобразным сознанием, создает поле и давление, в рамках которых действуют общественные образования и социальные субъекты. В отличие от обществ культуры древнего мира гражданское общество складывается значительно позднее, в новое время, да и то не во всех странах.

Если говорить об обществе в теоретической плоскости, то можно выделить следующие его характеристики. Первая: общество имеет два основных режима – активный и пассивный. В пассивной «общество спит» в том смысле, что, поскольку социуму ничего не угрожает, общество бездействует, кажется, что такой реальности нет вообще. Но в ситуации кризиса социума, его «заболевания», общество просыпается, становится активным, начинает определять отношение человека культуры к различным социальным реалиям и процессам.

Следующая характеристика – наличие у представителей культуры представления о взаимозависимости, а также социальном устройстве, понимаемые, конечно, в соответствии с культурными и индивидуальными возможностями сознания отдельного человека. Каждый человек культуры в той или иной степени, кто больше, кто меньше, понимает, что он зависим от других, что культурная жизнь предполагает совместную деятельность, подчинение, взаимопомощь.

Еще одна характеристика общества – *общение*. В ситуациях кризиса или «заболевания» (аномии) социума люди переходят к общению, то есть собираются вместе вне рамок социальных институтов и главное пытаются повлиять на общественное сознание друг друга с целью его изменения. Ю.Н. Давыдов, рассматривая в Новой Философской Энциклопедии понятие «общество» точно подмечает обе указанные здесь характеристики: «ОБЩЕСТВО (лат. *societas* – социум, социальность, социальное) – в широком смысле: совокупность всех способов взаимодействия и форм объединения людей, в которых выражается их всесторонняя зависимость друг от друга; в узком смысле: генетически и/

¹ Леон – *Порталья М.* Философия нагуа. М., 1961. С. 266-275.

или структурно определенный тип – род, вид, подвид и т.п. общения, предстающий как исторически определенная целостность либо как относительно самостоятельный элемент подобной целостности»².

Результатом эффективного общения, как правило, является сдвиг, трансформация общественного сознания (новое видение и понимание, другое состояние духа – воодушевление, уверенность, уныние и т. п.), что в дальнейшем является необходимым условием перестройки социально значимого поведения. В этом смысле общество напряжено (структурировано) силовыми линиями поля социума, куда всегда возвращаются общающиеся (чтобы продолжать функционирование в соответствующих институтах). Но одновременно само общество есть своеобразное поле, силовые линии и напряженности которого задаются текущим взаимодействием (общением) всех участников, которые «здесь и сейчас» сошлись на общественном подиуме.

В рамках общества человек уже не субстрат культуры, а потенциальный носитель всей социальности, а также будущего социального устройства. Именно его активность, направленность и взаимодействие (общение) в рамках общества определяют возможную в перспективе структуру культуры, возможную в том смысле, что новая культура состоится (при этом возможность перейдет в действительность), если имеют место и другие необходимые для формирования культуры предпосылки (семиотические, ресурсные и прочее). Такой человек, назовем его «латентной личностью» является самостоятельным социальным организмом, живущим, однако, и это существенно, в лоне культуры.

При переходе от одной культуры к другой именно общество сохраняет и переносит «кристаллы социальной жизни». Оно же выступает той средой, в которой складывается новая культура. Теперь второй и третий примеры.

Не стоит представлять дело так, что российская ситуация с властью была всегда однозначная, что в России никогда не было позыва к другому устройству власти. Во все времена было две тенденции. Одна – это, условно – Иван Грозный, а вторая – его противник – Андрей Курбский, что хорошо видно из такого документа как «Письма Ивана Грозного к Курбскому». Иван Грозный в письме к Курбскому пишет о неограниченности прерогатив царской власти. Царь не дол-

жен быть ни кем и ни чем связан в своих действиях. Он не отвечает за свои поступки перед подданными, а лишь перед Богом. Поэтому он стоит выше закона. И даже если царь поступает несправедливо, это лишь грех, а не преступление. Вот позиция Грозного.

Но всегда имела место и другая тенденция. Большинство русских мыслителей, начиная с Максима Грека, подводили читателя к мысли о гибельности единоличного управления государством. В частности, Андрей Курбский и Иван Тимофеев старались показать, что царь в своей деятельности должен опираться на Советы городов, бояр, представителей различных сословий, а также следовать закону, выступая его гарантом. Еще на заре российской государственности Зиновий Отенский писал, что соблюдение законности («правды во всем») обязанность и государя, который должен «право все рассмотриши». Автор «Беседы преподобных валаамских чудотворцев Сергия и Германа» «неоднократно повторяет, что цари должны «обо всем накрепко советовати» и формы организации этих советов разнообразны: «бояре и ближние приятели», «люди своя царской палаты», «надежные воеводы», «разумные мужи», «приказные люди». Курбский идет еще дальше, предлагая царю помимо советников, которые могут быть «злы и беззаконны», выборный сословно-представительный орган («Совет всенародных человек»). А Иван Тимофеев в исключительных случаях допускает и «физическое уничтожение тирана», оправдывая этот акт иосифлянским тезисом о необходимости различать царский сан и носящее его лицо»³.

Но, увы, победила не эта демократическая тенденция, а другая – основные институты власти в формирующейся российской культуре все больше основывались на силе и деспотии восточного типа. Например, кровавые расправы Ивана Грозного преследовали не только цель укрепления царской власти, но и подавления всякого инакомыслия и создание атмосферы страха, в которой абсолютная власть самодержца уже не встречала никакого сопротивления. Термин «гроза» у Ивана IV означает устрашение подданных. Причем он обосновывает свое право судить и наказывать не только за дела, но и за мысли. В этом отношении Сталин продолжал начатое Грозным дело. Однако почему так произошло? Было ли это случайно? Исследователи полагают, что нет.

³ Цит. по Розин В.М. Основные этапы формирования права в Западной Европе и России: культурно-исторический и философский анализ. Saarbrücken, 2011. С. 144.

² Давыдов Ю.Н. «Общество» // НФЭ. Т.3. М., 2001. С. 132.

Возьмем средневековую Европу, тот же исторический период, ну может быть несколько более ранний. Что мы видим? В Европе идет борьба за власть пап с королями. Вот что пишет Г.Д. Берман в своей книге «Западная традиция права: эпоха формирования» по этому поводу. «Начался затяжной конфликт светских властей с церковными, не ограничившийся одними письмами: в ход пошло оружие, проклятия, отлучение от церкви. Например, Иоанн Солсберийский в трактате “Norman Anonymous”, направленного против партии папа, пишет, что и “королевское достоинство Христа, и его святость прямо передаются королям через коронацию. Как викарий, есть наместник, Христа, король сам божественен и является священником своего народа. Он даже может совершать таинства, после коронации – такова традиция в Византии, у франков и англосаксов – император или король входил в алтарь и готовил хлеб и вино для своего собственного причащения. Король также благодетель и спаситель своего народа, поэтому он может прощать грехи”.

Успех в борьбе пап с королями попеременно был то на одной стороне, то на другой, поскольку обе партии имели своих многочисленных сторонников, которые, однако, сами часто меняли свои взгляды, ведь и христианская церковь представляла собой тело Христово, но и светская власть была сакральна. В итоге на папам, ни императорам не удалось настоять на своих изначальных притязаниях. По Вормскому конкордату 1122 г. император гарантировал, что епископы и аббаты будут свободно избираться одной лишь церковью, и отказался от присвоения им духовных символов кольца и посоха. Со своей стороны папа согласился на право императора присутствовать на выборах и вмешиваться там, где возникал спор. За этим первым шагом последовали и другие, в ходе которых церковь и светская власть постепенно разграничивали компетенции и определяли границы собственных институтов. Другой важный результат – формирование канонического права и, по его образцу, права светского государства»⁴.

Инициатором изменений в описанном конфликте выступала церковь. А условия диктовало средневековое общество, состоящее из многих сообществ, племенных союзов, дворов королей, крупных феодалов, христиан-монахов, мирян, связанных феодальными, договорными отношениями. И вот что важно. Каждое сообщество отстаивало свою самостоятельность.

⁴ Берман Г. Д. Западная традиция права: эпоха формирования. М., 1998. С. 200-202.

Средневековое европейское общество признавало равенство социальных субъектов, поэтому в конфликте не могли победить ни церковь, ни светские власти. По сути, начиная с 11-12 века, средневековое общество конституирует себя на основе права и механизмов, отчасти напоминающих демократические. Берман подчёркивает новый смысл права и новые виды прав, которые, в частности, регулировали отношения между соперничающими церковными и светскими владениями, а также давали возможность для светских властей целенаправленно и программно претворять в жизнь заявленные церковью цели: обеспечить мир и справедливость в своей юрисдикции.

А в России в это время – полное бесправие. Царь решает всё сам и ни перед кем, ни за что не отчитывается. Он может сделать с другими всё, что захочет. Решение конфликтов – только силовое, плюс деспотизм. Видимо, только это и давало возможность удерживать социальное целое, как большой организм. Если бы речь шла о небольшом социальном организме, не столь разнородном по структуре, и плюс там бы действовали договорные, правовые отношения, может быть, было возможно другое решение⁵.

Что же можно понять из этого сравнения? Во-первых, что в социальном процессе важную роль играют не два персонажа – личность и социальные индивидуальные структуры (социальные институты, власть, обычаи, традиции, ценности и картины мира и пр.), а три – *личность, социальные структуры и общество*, причем именно в обществе происходит таинственный процесс взаимовлияния и изменений. Во-вторых, человек в социальном процессе выступает в

⁵ Нельзя ли в таком случае предположить, что силовое решение конфликтов представляет собой историческую традицию в России? Похоже, что так. Мы имеем такую ситуацию, когда на огромной территории живут очень разные народы, существуют разные типы культуры, включая чуть ли не архаические, когда основной способ решения конфликтов – силовой, когда основные отношения являются неправовыми. В принципе и до сих пор большинство конфликтов в России разрешаются не на основе права.

Но конечно, отсутствие гражданского общества и права – не единственные проблемы, угрожающие благополучию России. Не менее серьезные проблемы – бедность одних и обогащение других, сокращение населения страны, распространение наркомании и алкоголизма, детская беспризорность, потеря социальной ориентации россиян (мы так и не знаем, в какой стране живем и куда идем) – и много других, так и не решаемых нашей властной элитой тяжелых проблем. Пока российская элита успешно решила только одну проблему – обеспечила себе безбедную, но вовсе не спокойную жизнь.

двух ипостасях: то он просто личность, обычный человек со своими слабостями и желаниями, то он социальный субъект (принц, царь, король, секретарь партии, президент и т.д.), обладающий «социальным телом» в форме тех возможностей, которые предоставляют соответствующие социальные институты.

В мирные, нормальные периоды социального бытия, человеку не приходится выходить из своих мест в рамках социальных институтов и других деиндивидуальных социальных структур. Он пользуется их защитой и источниками энергии. Но в периоды кризиса, перехода и распада человек выпадает из этих структур и оказывается один на один с самим собой и с другими, находящимися в том же положении. На поверхности бытия и в жизни его теперь держат две силы: общество и его собственные усилия. И только их совместное бытие, опора друг на друга, взаимодействие позволяют (или не позволяют, если общество и личность слабые), кристаллизироваться новым формам социальности, сформировать новые социальные институты. Вернемся к рассуждениям Латининой.

Да, вне рамок социальных институтов Путин и Медведев со товарищи, возможно эгоисты, разбойники, жулики и прочее, однако, нас это мало должно волновать. Другое дело, если и в рамках социальных институтов они продолжают реализовать те же самые склонности. Но вряд ли это так. В рамках социальных институтов они вынуждены действовать иначе, удовлетворяя требованиям как социальных институтов, так и общества. И вот тогда они вынуждены перераспределять от работающих к неработающим, латать дыры в хозяйстве, пытаться его развивать, модернизировать экономику и т.п. И не только потому, что нужно удержаться у власти, как считает Латинина, но и в силу функционирования самих социальных институтов, а также культуры. Именно в последней сложилось право, законы, идеалы гуманизма, традиции решения социальных проблем и пр. Большое значение здесь, как я стараюсь показать, играют еще два момента – ведущий тип социальности и общие условия социальной жизни.

Для ведущего типа социальности характерны *определенные формы осознания действительности*, а именно *либерально-демократические* (право, гуманизм и т.д.), *стремление с социальному миру, возможность государства перераспределять доходы* (налоги, выплаты, льготы, преференции и пр.), *заинтересованность многих социальных субъектов и организаций в подобном распределении* (государственные институ-

ты, гуманитарные и правозащитные организации и т.п.), *вменение общественности нужных ценностей и видения* (СМИ, пиар, реклама). Изменяются и взаимоотношения между государством, обществом (а также сообществами), бизнесом и личностью в плане перераспределения социальных функций; ряд функций, которые раньше выполняло государство и его институты, берут на себя отдельные личности или сообщества, действующие исходя из собственных идеалов и представлений, а не институциональных или организационных требований.

Общие условия – это такие социальные структуры (законы, социальные институты, средства массовой коммуникации, социальные услуги и прочее), которые обеспечивают жизнедеятельность человека и общества *безотносительно к разнообразию и взаимообусловленности отдельных форм социальной жизни*. Например, в современном обществе, власть и обычные граждане (опять же по идее) могут существовать независимо друг от друга. Каждый выполняет свои роли, а связывают их лишь общие условия. А вот когда общие условия жизни не обеспечены или нарушены, например, как в случае российских реформ, то независимое сосуществование отдельных сообществ и форм социальной жизни становится невозможным. Именно в эти периоды общество просыпается, и люди начинают задумываться над жизнью, выходить на улицы, что-то делать иначе, чем раньше.

При этом я не отрицаю возможности аномии социальности. Яркий пример, рентостроительство. Не секрет, что деятельность наших предприятий и социальных структур в значительной степени зависит от отношений с властями и чиновниками разных уровней. Эта зависимость обусловлена двумя обстоятельствами: самой природой власти, постоянно стремящейся подтвердить и расширить свой властный потенциал (полномочия), а также желанием получить из своего места и статуса доход (ренту). С одной стороны, чиновник должен поддерживать свой институциональный статус, изображая эффективную работу (поскольку именно его место приносит доход), с другой – он изобретает схемы, позволяющие так трансформировать свой статус и место, чтобы они давали ренту⁶.

⁶ Нетрудно сообразить, что идентичность подобного субъекта – двулика. С одной стороны, поскольку чиновник считает себя лицом, работающим на благо общества, выступающим на стороне справедливости и закона. С другой – такой чи-

Примерами таких схем являются откаты, расширение контролируемых функций⁷, откладывание под разными предлогами принятия решений и другие. С.Б.Мирзоев показывает, что дело чаще всего идет не об отдельных случаях получения незаконного вознаграждения за работу, положенную чиновнику по статусу, а о настоящем «рентостроительстве», когда, чтобы получать из своего места постоянный, а лучше, всё увеличивающийся доход, чиновник лоббирует принятие нужных законов или инструкций, подбирает на нужные должности «своих», устанавливает правила и регламенты, работающие именно на извлечение ренты⁸.

Опять, как мы видим, социальная жизнь развивается и протекает сразу в двух планах (реальностях): деиндивидуальных социальных процессах и структурах, а также в жизни каждого отдельного

новник будет оправдывать участие в рентостроительстве ссылками на «Кесарю кесарево, а Богу Богово», «зловредной природой клиента», обстоятельствами и прочее. То есть, он всегда выстроит такой образ клиента и обстоятельств, которые позволяют ему сохранить по поводу себя гуманитарное истолкование и видение. Осознает ли чиновник, что его дискурс, как говорит М. Фуко, работает на прикрытие и сокрытие подлинного положения дел, свидетельствующего об эгоизме чиновника? Ну, возможно, иногда, на заднем плане сознания он чувствует, что что-то не так, однако, в целом каждый раз будет возобновлять свой дискурс, убеждаясь в своей правоте.

⁷ Из доклада С.Б. Мирзова «Институциональная коррупция». 18 февраля 2011. <http://www.fondgp.ru/lib/seminars/2010-2011/institut/6>.

⁸ «На стадии учреждения ренты осуществляется освоение полномочий, затем расщепление должностных полномочий, как для получения дохода, так и в соответствии с формальной компетенцией. На следующей стадии происходит выстраивание регламента коррупционных сделок, создание системы сигналов, в т.ч. для коррупционного окружения, «по вертикали» и по «горизонтали», а также с «клиентурой», выстраивание легального (формального) прикрытия, привлечение посредников и пр. Поэтому точнее называть основу коррупции рентостроительством, а не «рентоискательством» (там же). На последующих стадиях коррупционер стремится к воспроизводству деятельности с помощью «иерархического прикрытия», распространения коррупционного алгоритма среди начальников и подчиненных, расширения полномочий, с помощью новых локальных нормативных актов, укрепляющих его функции и полномочия, закрепления коррупционной практики и создания стереотипов» (там же).

индивида. Эти реальности то существуют независимо друг от друга, то они начинают проецироваться друг на друга, обуславливают друг друга. Диалектика взаимодействия индивидуальных и социальных реальностей в свою очередь обусловлена отношениями между общими условиями и жизнью общества. Характерные для России слабое общество и аморфные общие условия – одна из причин социальной аномии. Но все это не заставляет россиянина как личность предпочитать социальную борьбу; пока еще преимущества, которые предоставляют социальные институты, превалируют.

Заканчивая, я хочу еще раз подчеркнуть свое уважение к Юлии Латыниной. Другое дело, что как философ и культуролог я вижу слабость и противоречивость её дискурса, и должен на это указать.

Библиография:

1. Леон– Портилья М. *Философия нагуа*. М., 1961.
2. Давыдов Ю.Н. «Общество» // НФЭ. Т.3. М., 2001.
3. Розин В.М. Основные этапы формирования права в Западной Европе и России: культурно-исторический и философский анализ. Saarbrucken, 2011.
4. Берман Г. Д. *Западная традиция права: эпоха формирования*. М., 1998.

References (transliteration):

1. Leon– Portil'ya M. *Filosofiya nagua*. M., 1961.
2. Davydov Yu.N. «Obshchestvo» // NFE. T.3. M., 2001.
3. Rozin V.M. *Osnovnye etapy formirovaniya prava v Zapadnoy Evrope i Rossii: kul'turno-istoricheskiy i filosofskiy analiz*. Saarbrucken, 2011.
4. Berman G. D. *Zapadnaya traditsiya prava: epokha formirovaniya*. M., 1998.